

К 70-ЛЕТИЮ ТЕАТРА ИМЕНИ ЕВГ. ВАХТАНГОВА

Их талисман — бессмертная принцесса

Свою первую «Принцессу Турандот» я помню смутно. И программа того спектакля не сохранилась. Дело было до войны, и в театр меня тогда еще водила мама. Но ощущение праздника, чего-то яркого, зрелищного, заставляющего неотрывно смотреть на сцену, где царил прекрасная и лукавая женщина по имени Турандот и сгорал от любви к ней красавец Калаф, а забавные маски беспрерывно смехили публику, осталось на всю жизнь. Тогда, разумеется, не понимала, что вижу великий спектакль великого режиссера, давший жизнь одному из лучших, ныне прославленных театров страны. И вижу актера того первого, неповторимого поколения вахтанговцев, ставших его гордостью и легендой. Но судьба оказалась милостивой ко мне. И уже во втором рождении «Турандот» с целиком обновленным составом я на короткий миг однажды снова увидела ту первую, удивительную и неповторимую Принцессу. Единственный раз, на 50-летию театра. Цецилия Львовна Мансурова вышла на сцену, чтобы сыграть крохотный кусочек роли, которая после возобновления спектакля в 1963 году принадлежала Юлии Константиновне Борисовой. И вот сегодня, по прошествии семидесяти лет, «Принцесса Турандот» — эта Синяя птица счастья театра — вновь засверкает на его сцене, возрождаясь каждый раз как легендарный Феникс.

О театре, носящем имя своего создателя Евгения Багратионовича Вахтангова, написаны книги, воспоминания, десятки тысяч статей. И нет, пожалуй, такой публикации, где бы не говорилось хоть кратко, хоть вскользь о последней постановке режиссера, премьеру которой ему, тяжело больному, уже не довелось увидеть. Но сколько бы ни анализировали критики этот удивительный, вечно молодой спектакль, он, наверное, так и останется навеки неразрешимой загадкой, неподдающейся ни одному Калафу.

В голодной, холодной Москве, истерзанной революционными переворотами, красным террором, отголосками еще догорающей по окраинам страны гражданской войны, вдруг ре-

цветает волшебный цветок, радостный, сверкающий многоцветием красок, согревающий заледеневшие души, возвращающий улыбки усталым лицам. А все это в его основе немудрящая сказка Карло Гоцци про некую приваeredливую китайскую принцессу, требующую от претендентов на свою руку и сердце разгадку трех загадок.

Сказка рождает особый стиль, способ существования актера на сцене, манеру игры, атмосферу спектакля, которые вскоре назовут вахтанговскими. А Третья студия Художественного театра, распахнувшая свои двери 13 ноября 1921 года на том самом месте Арбата, где сейчас расположено хорошо знакомое москвичам серое массивное театральное здание, получит в 1926 году свое нынешнее наименование — Театр имени Евг. Вахтангова.

По законам драматургии всякое сценическое произведение должно развиваться по определенным канонам; завязка, развитие, кульминация, финал. Вахтанговский театр начал свою жизнь с кульминации — так и идет все семь десятков лет, поверяя свое творчество вершине. Но жить на вершине дано лишь богам-олимпийцам. А у театра, как любого живого существа, в жизни неминуемы спады и взлеты, периоды стремительного движения и мучительные, порой длительные паузы. Все это, и не раз, испытывал на себе и вахтанговцы. И каждый раз, даже в самые трудные периоды, им помогали выстоять и снова обрести прерванное дыхание сильные, глубокие корни той театральной системы и студийного братства, что были заложены их основателем в первых своих учеников, а потом по эстафете передавались следующим актерским поколениям.

Мне не довелось увидеть ни знаменитого «Егора Булычова», ни «Человека с ружьем», в которых блистал Б. Щукин. Не видела я и легендарного «Фронта» с А. Диким, поставленного в период эвакуации театра в Омск. (А те возобновления некоторых старых спектаклей, сделанные спустя годы, признаюсь, не оставили во мне ярких впечатлений). Зато бесподобная «Мадемуазель Нитуш», вся искрящаяся вельем, задором и лукавством, стала для нас, москвичей,

военной поры, не меньшим подарком судьбы, чем была, наверное, для своего поколения премьера «Турандот» в такие же трудные годы.

Навсегда запечатлелись в памяти «Перед заходом солнца» с М. Астанговым, потрясавшие зрелого зрителя глубоким драматизмом, то искрометной вельемостью дуэты Ц. Мансуровой и Р. Симоновой в комедии «Много шума из ничего», «Сирано де Бержерак», «Филумене Мартурано». Потом ошеломляющий успех Ю. Борисовой в спектакле «На золотом дне», где роль Аксиньи стала рождением и всеобщим признанием таланта актрисы. Время от времени театр изящно и колко дразнил власти предрержавшие то древнеримским «Дионом», ужасно похожим на современное общество, то не менее ехидной «Коронацией», где наряду с незабвенным Н. Плотниковым уже во всем блеске было представлено второе поколение вахтанговцев во главе с М. Ульяновым. И власти сильно гнавались, требуя убрать с афиши крамольные творения. А театр, искупив вину похородами, вновь обращался к своему праздничному, яркому искусству.

Перечислять победы театра и имена его прославленных актеров можно до бесконечности. Увы, сегодня уже ушло все первое поколение вахтанговцев, и старшими стали те, кто влился в его труппу в первые послевоенные годы. А за ними идет все новая и новая молодежь. Смена поколений всегда самый трудный период в творческом процессе.

Несколько лет назад пережил свой, может быть, самый тревожный период и этот не знавший, казалось бы, поражения театр. Была пауза, наверное, очень горьких раздумий, а потом осторожное, как бы прощупывающее путь движение вперед. В прехде замкнутый круг только своей режиссуры вошли новые имена, а с ними и новая драматургия. Изысканно красивая, откровенно элитарно поставленный Р. Виктюком спектакль «Дама без камелий», Плотникова, балаганной удаляю бросает вызов, словно бы дразнит зал, «Государь ты наш, Батюшка» режиссера П. Фоменко. Широко, пространно, но с каждой минутой внутренне все более напряженно разворачивается действие «Мартовских ид» в постановке А. Каца. Ни в чем не схожие пьесы и, кажется, такие разные спектакли. Но именно в этом они и едины: в своей яркой театральной несхожести, нескрываемой праздничности, радостной погруженности актеров в творимые ими образы, в наслаждении театром, в высочайшей сценической культуре.

В этом здании, построенном на месте старого с залом на 300 мест, Евгений Багратионович не был никогда. Оно поднялось здесь уже после его смерти. Но дух Вахтангова, слава Богу, не оставляет его сцену. И пусть сегодня он незримо будет в теми, кто придет в день рождения театра на его бессмертную «Принцессу Турандот». Птица Феникс вахтанговцев возрождается вновь.

Н. БАЛАШОВА.